КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА БРОНИСЛАВА МАЛИНОВСКОГО

Т. Щербовский
Краков, Польша

Неосознанным и поэтому недооцененным предшественником современных исследователей дискурса[1], текста и значения является Бронислав Малиновский (1884-1942)[2], заслуги которого иногда несправедливо приписываются другим ученым, например: Якобсону[3] (фатическая функция), Витгенштейну[4] (концепция значения), Фирсу (ситуативный контекст), Остину (слово как действие)[5]. Многие энциклопедии называют Малиновского этнографом и социологом, основателем функциональной школы в этнографии. Забывается, что он был и философом (его кандидатская диссертация, защищенная в Ягеллонском университете 7 октября 1907 года, называлась «О принципе экономии мышления»), и автором лингвистических трудов («Классификаторы в языке киривина»[6] (1920), «Проблема значения в первобытных языках» (1923), а также «Язык магии и садоводства» как второй том книги «Коралловые сады и их магия» (1935). Особенного внимания лингвистов заслуживает «Этнографическая теория языка» (17, с. 3-74), состоящая из семи разделов: «Язык как орудие, документ и существенная часть культуры», «Перевод непереводимых слов», «Контекст слов и контекст фактов», «Прагматический контекст высказывания», «Значение как функция слов», «Источник значения языка детей», «Пробелы, излишки, капризы терминологии первобытных».

Плодотворным для Малиновского оказалось его пребывание на островах Тробриан (1915-1918), где он собрал данные для научной работы на всю свою жизнь. Экзотика материала повлияла на фомирование его взглядов на язык и культуру.

В письме от 14 мая 1918 года он делится мыслями с будущей женой Элси Массон.

«Я обрисовал очень неточную грамматику киривинского языка, которую начал с такой общей вещи, как классификация всех обстоятельств, при которых киривинцу приходится говорить. Если хочешь анализировать язык как средство передачи мысли, эмоции и т. д., надо сначала исследовать, при каких обстоятельствах эта передача ведется, в какой степени данное употребление языка необходимо, и каковы другие средства передачи значения (когда два киривинца встретятся, они знают бесконечно больше и точнее обо всем, что они намереваются делать, что другой чувствует, думает и т. д., чем когда встретятся два европейца)»[7] (26, с. 145).

Описываемое явление спустя 5 лет характеризует Малиновский (15) с помощью двух терминов: **фатическое общение** (phatic communion) и **ситуативный контекст** (context of situation).

«Несомненно сталкиваемся здесь с новым типом функции языка — фатическим общением, *так назвать ее искушает меня демон терминологической изобретательности — с разновидностью речи, в которой связь соединения возникает путем диалога»* (15, с. 315).

Фатическая функция устанавливает и поддерживает контакт между говорящими. Язык тогда оказывается не способом рефлексии, а способом действия. Каждое высказывание служит тогда непосредственной цели связывания слушающего с говорящим узами компанейского чувства или другого.

«В действительности нет нужды сообщать или, может, даже не о чем сообщать. До тех пор, пока существуют слова, которыми обмениваемся, фатическое общение вводит как автохтона, так и цивилизованного в атмосферу вежливых дружеских встреч» (15, с. 316).

Б. Малиновский считает язык важнейшим орудием этнографа в полевой работе, так как основной функцией языка является не выражение мысли, не воспроизведение в точности ментального процесса, а скорее выполнение активной прагматической роли в человеческом поведении (17, с. 7).

По Малиновскому, язык — это культурное явление, тип человеческого поведения. Нельзя его объяснять без постоянного соотнесения его и широких контекстов словесного высказывания (15, с. 305).

«Мне кажется, что очень полезно для лингвистики расширить объем понятия контекст, *чтобы он охватывал не только произносимые слова, но также выражение лица, жесты, движения тела, всю группу людей, присутствующих во время диалога, и часть среды, в которой они находятся.*

Несколько раз я говорил о контексте культурной действительности. Под этим понятием понимаю материальное оборудование, действия, интересы, моральные и эстетические ценности, с которыми связаны слова. Сейчас попытаюсь показать, что этот контекст культурной действительности вполне тождествен контексту речи. Слова не существуют в своего рода суперсловаре или блокноте этнографа. Они употребляются в свободной речи и связываются в высказывания, которые, в свою очередь, связываются с другими действиями человека, а также с общественной и материальной средой. Способ, какой я выбрал для представления моего лингвистического и этнографического материала, выдвигает вперед понятие контекста» (17, с. 22).

Характерной чертой анализа текстов, выражений и слов должна быть их контекстуализация, т.е. описание, в каких ситуациях и каким образом они употребляются (17, с. 73). И поэтому текст магической формулы в языке киривина (острова Тробриан, Папуа-Новая Гвинея) с подстрочным переводом на английский язык сопровождает Малиновский общим комментарием, содержащим информации о трех видах контекста (социологическом, ритуальном, догматическом), о способе декламации и структуре. Общий комментарий предшествует лингвистическому. Все это служит лучшему пониманию заклинания. В рамках этнометодологии[8] понимание — это цель интерпретации, которая определяется как процесс приписывания значения (9). Малиновский неоднократно подчеркивал, что высказывание (текст) вне контекста не имеет значения[9].

Примером может служить магическая формула (17, с. 269).

A-way-m,	*pwaypwaya;*	*ku-tavisi,*	*pwaypwaya;*
I strike you,	soil;	thou cut through,	soil
я ударяю тебе,	земля;	ты открываешься,	земля;
kw-iga'ega,	*pwaypwaya;*	*kw-abina'i,*	*pwaypwaya;*
thou shake,	soil;	thou burgeon,	soil;
ты трясешься,	земля;	ты беременеешь,	земля;
kw-abinaygwadi,	*pwaypwaya*		
thou burgeon (with) child	soil		
ты беременеешь ребенком,	земля		

Приведенный здесь текст Малиновский выражает по-английски следующим образом: «I strike thee, O soil, open thou up and let the crops through the ground. Shake, O soil, swell out as with a child, O soil» (16, с. 102). В русском же переводе можно сказать «Я ударяю тебя, О земля, откройся и пропусти растения сквозь свою поверхность, трясись, О земля, беременей, как женщина, О земля».

Слова относятся к части магического обряда, начинающего цикл в саду.

Социологический контекст: мужчины слушают серию заклинаний, молча и стоя в группе. Когда волшебник ударяет землю, они издают пронзительный продолжительный звук и каждый из них бежит в свой участок и там повторяет часть ритуала, к которому только что присматривался, с помощью топора, насыщенного магической силой.

Ритуальный контекст: волшебник совершает эпонимический ритуал всей своей магии, т. е. ударяет землю волшебной палочкой. Волшебника называют «человеком, ударяющим нашу землю».

Догматический контекст: непосредственная связь волшебника с основным предметом ритуальных действий, землей, которая, чтобы была плодородной, упоминается каждый раз с формой императива.

Эти три вида контекста предствляют собой ситуативный контекст магической формулы. Вне его понять ее невозможно.

«Ошибочное понимание языка как средства передачи идей из головы говорящего в голову слушающего, по-моему, значительно испортило филологический подход к языку. Представленное здесь мнение имеет не только академическое значение; оно заставляет нас, как убедимся, соотносить исследование языка и другие действия, интерпретировать значение любого высказывания в рамках его действительного контекста, это же обозначает новый подход к языковым данным. Это также заставляет нас определять значение в рамках опыта и ситуации» (17, с. 9).

Язык считается неотделимой частью культуры. «Без культурных основ лингвистика всегда будет карточным домиком. В равной степени это правда, что без языка знание о каком-либо аспекте культуры неполно» (17, с. 21).

По Малиновскому, «само осознание близкой связи между лингвистической интерпретацией и анализом культуры, к которой принадлежит язык, убедительно показывает, что ни слово, ни его значение не существуют независимо и самостоятельно. Этнографическое представление о языке подтверждает принцип символической относительности, если можно так его назвать, т. е. слова следует рассматривать как символы, и психология символической соотнесенности должна служить основой каждой науки о языке. Так как весь мир «вещей, которые должны быть выражены», меняется вместе с уровнем культуры, вместе с географическими, социальными и экономическими» условиями, значение слова всегда следует заключать не из пассивного созерцания данного слова, а из анализа его функций в отнесенности к данной культуре. Каждое первобытное или варварское племя, каждый тип цивилизации обладает своим миром значений и всем языковым аппаратом людей — лексическим составом и своим типом грамматики — который можно объяснить только в связи с их ментальными нуждами» (15, с. 309).

Б. Малиновский опровергает концепцию значения как чего-то содержащегося в высказывании. «Значение, реальная «сущность» слова, достигает таким образом реального существования в сфере идей Платона и становится универсалией средневековых реалистов, фактически существующей. Неправильное употребление слов, обоснованное всегда ошибочным анализом их семантической функции, приводит к онтологическому болоту в философии, где находят правду, вытягивая значение из слова, его предполагаемого вместилища» (15, с. 308).

В этнографической теории языка «значение — это влияние слов на умы людей и тела, а через них на окружающую действительность, создаваемую или постигаемую в данной культуре» (17, с. 53).

В случае развитых функций речи, которыми в основном занимаются Ч.К. Огден и А.А. Ричардс (18), — философской спекуляции и научного языка — над «заливом» значения находится, благодаря акту мышления, линия, соединяющая две стороны семантического треугольника. С помощью аналогичных диаграмм представляет Б. Малиновский ранние стадии значения (15, с. 324).

В первой стадии высказывание — это звуковая реакция (которую еще нельзя назвать символом), связанная с ситуацией (которая еще не является референтом), но не вызывающая акта мышления, и поэтому треугольник уменьшен до основания.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ

ЗВУКОВАЯ *(непосредственная связь)* СИТУАЦИЯ
РЕАКЦИЯ

ВТОРАЯ СТАДИЯ

ЗВУК *(взаимосвязь)* РЕФЕРЕНТ
В ДЕЙСТВИИ

Истоки артикулированной речи, когда одновременно с ее возникновением начинают выделяться из ситуации референты, она все еще должна изображаться единичной непрерывной линией фактической взаимосвязи (вторая стадия).
Звук еще не является реальным символом, ибо он не употребляется отдельно от своего референта.

ТРЕТЬЯ СТАДИЯ

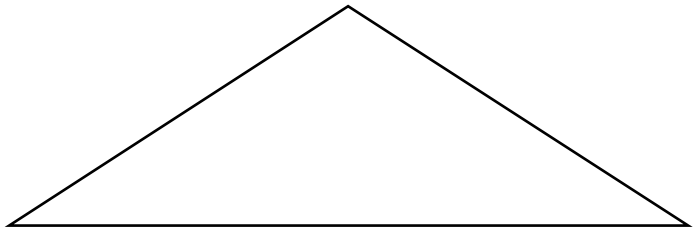
(А)

Речь в действии

СИМВОЛ *(употребляемый инструментально)* РЕФЕРЕНТ
В ДЕЙСТВИИ

(Б)

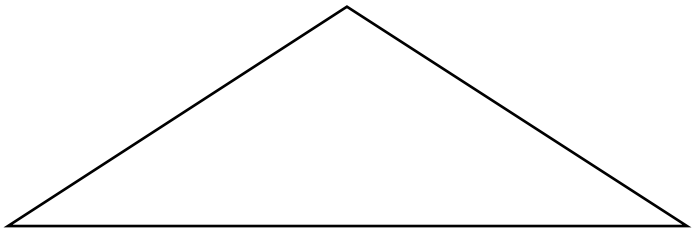
Повествовательная речь
АКТ ОБРАЗНОСТИ



СИМВОЛ *(посредственная связь)* РЕФЕРЕНТ

(В)

Язык ритуальной магии
РИТУАЛЬНЫЙ АКТ
(основанный на традиционных верованиях)



СИМВОЛ *(мистически предполагаемая связь)* РЕФЕРЕНТ

В третьей стадии следует, по Малиновскому, различить три основных способа употребления языка: в действии, в повествовании, в ритуале. Нижняя грань треугольника обозначается либо сплошной линией (акт образности), либо непрерывной (ритуальный акт). В последнем случае, таким образом, подчеркивается магический подход к словам, характерный как для первобытных людей в ритуальых актах, так и для детей, овладевающих основами родного языка.

Этнографическая теория языка Малиновского создает основу для современных социологических концепций, согласно которым значение связано не столько с умом, сколько с интеракцией, с общественными группами и структурами. Психологи же (и когнитивисты) считают, что значение приписывается дискурсу употребителями языка, оно скорее связано с умами участников коммуникации (27, с. 17).

Несомненно, нужна интеграция различных подходов к вопросу значения. Среди многих направлений в анализе дискурса можно выделить три основных типа: 1) концепции, сосредоточивающиеся на «самом» дискурсе, т.е. на структурах текста или высказывания, 2) исследования дискурса и коммуникации с точки зрения их познавательных обусловленностей и 3) концепции, уделяющие особое внимание культуре и общественным структурам. Треугольник «дискурс — познание — общество» определяет область междисциплинарных исследований дискурса (27, с. 34) и, конечно, значения. Чтение смысла, понимание, интерпретация, значение и многие другие понятия принадлежат к области как структур дискурса и общественных интеракций, так и ума (27, с. 26). Заслугой Малиновского уже 78 лет назад было разграничение речи в дей-

ствии, повествовании и ритуальной магии. Все эти разновидности отличаются друг от друга типом отношений между языком, мышлением и действительностью, характеризуются своеобразными структурами дискурса, общественными интеракциями и степенью активности ума. Сегодня уже никто не подвергает сомнению роли ситуативного контекста в толковании высказывания. Все больше внимания уделяют ученые значению, которое все-таки еще считается *enfant terrible* семантики (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Если в 60-70-е годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиции современных подходов, дискурс — это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (4, с. 8). См. также польский перевод (27) двухтомной книги 1998 года «Discourse as Structure and Process» (1-ый том) и «Discourse as Social Interaction» (2-ой том).

2. «Аннотированный именной указатель» (8, с. 672) нуждается в дополнении. Перед словом Англия следует вставить Польша. Малиновский был поляком, уехавшим за границу уже кандидатом наук. Дневник на островах Тробриан он писал по-польски, его родители были поляками.

3. Несмотря на факт, что Якобсон (10) ссылается на «Проблему значения в первобытных языках» Малиновского.

4. Л. Витгенштейн, согласно Э. Гелнеру (12, с. 146-7, 155, 174), просил своего переводчика Ч.К. Огдена, чтобы он дал ему прочитать «Проблему значения в первобытных языках» Б. Малиновского еще перед ее публикацией.

5. Совершенно непонятным является мнение, будто идеи Малиновского не только устарели, но даже мертвы (13, с. 36).

6. Киривина принадлежит к океанической ветви австронезийских языков (13; 14; 15; 17; 22; 23; 24).
Им владеет население островов Тробриан (сегодня больше 20 тысяч людей).

7. Все цитаты приводятся здесь в моем переводе.

8. Этнометодология — всякое исследование процессов применения и упорядочения знаний, опирающихся на здравый смысл (9, с. 7).

9. «The utterance has no meaning except in the context of situation» (15, с. 307).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурханов И. Учебный словарь системы понятий лингвистической семантики. — Rzeszow, 1995.

2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып. 16. — С. 79-128.

3. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. — М., 1989.

4. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса //
Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. — М., 1989. — С. 5-11.

5. Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

6. Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов.

7. Ревина Е. Д. Фатическая ситуация общения в контексте речевых актов и речевых жанров (на материале пьесы М.А. Булгакова «Дни Трубиных») // Текст: Узоры ковра. Сборник статей научн.-метод. семинара «Textus». — СПб.-Ставрополь, 1999. — Вып. 4. — Ч. 1. — С. 66-68.

8. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 1998.

9. Dobrzanski D. Interpretacja jako proces nadawania znaczenia. Studium z etnometodologii [Интерпретация как процесс придания значения. Исследование по этнометодологии]. — Poznan, 1999.

10. Jakobson R. Linguistics and Poetics [Лингвистика и поэтика]. — Style and Language. Ed. T. Sebeok. — New York, 1960. — С. 350-377.

11. Garfinkel H. Studies in Ethnometodology [Исследования по этнометодологии]. — New York, 1967.

12. Gellner E. Language and Solitude. Wittgenstein, Malinowski and the Habsburg Dilemma [Язык и уединение. Витгенштейн, Малиновский и габсбургская дилемма]. — Cambridge, 1998.

13. Langendoen D. T. The London School of Linguistics. A Study of the Linguistic theories of B. Malinowski and J. R. Firth [Лондонская школа. Изучение лингвистических теорий Б. Малиновского и Дж. Р. Ферса]. — Cambridge (Mass.), 1968.

14. Malinowski B. Classificatory Particles in the Language of Kiriwina [Классификаторы в языке киривина] // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. — 1920. — Том 1. — Часть 4. — С. 33-78

15. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages [Проблема значения в первобытных языках] //
Ogden C.K., Richards A.I. The Meaning of Meaning. — London, (1923) 1956. — С. 296-336.

16. Malinowski B. Coral Gardens and Their Magic: A Study of the Methods of Tiling the Soil and of Agricultural Rites in the Trobriand Islands [Коралловые сады и их магия]. — London, 1935. — Том. 1 (The Description of Gardening [Описание садоводства]).

17. Malinowski B. Coral Gardens and Their Magic: A Study of the Methods of Tiling the Soil and of Agricultural Rites in the Trobriand Islands [Коралловые сады и их магия]. — London, 1935. — Том. 2 (The Language of Magic and Gardening [Язык магии и садоводства]).

18. Ogden C.K., Richards A.I. The Meaning of Meaning [Значение значения]. — London, (1923) 1956.

19. Paul H. Principles of the History of Language [Принципы истории языка]. —
London, 1888 (английский перевод Prinzipien der Sprachgeschichte 1880 г).

20. Pisarkowa K. Językoznawstwo Bronisiawa Malinowskiego [Языкознание Бронислава Малиновского]. — Krakow, 2000.

21. Szymura J. Bronisiawa Malinowskiego etnograficzna teoria jezyka [Этнографическая теория языка Бронислава Малиновского] //
Antropologia spoieczna Bronisiawa Malinowskiego. — Warszawa, 1985 — С. 177-205.

22. Szczerbowski T. Siownik kiriwinsko-polski [Киривинско-польский словарь] //
Językoznawstwo Bronisiawa Malinowskiego. — Krakow, 2000. — Т. 2. — С. 115-339.

23. Szczerbowski T. Siownik polsko-kiriwinski [Польско-киривинский словарь] //
Językoznawstwo Bronisiawa Malinowskiego. — Krakow, 2000. — Т. 2. — С. 343-417.

24. Szczerbowski T. Kiriwina. Język Wysp Trobrianda (gramatyka, siownictwo, typologia) [Киривина. Язык островов Тробриан (грамматика, лексика, типология]. — Krakow, (в печати).

25. Szumska D. Znaczenie: enfant terrible semantyki i leksykografii [Значение: enfant terrible семантики и лексикографии] //
Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, LIV, 1998. — С. 45-61.

26. The Story of a Marriage. The letters of Bronisiaw Malinowski and Elsie Masson.
[История брака. Письма Бронислава Малиновского и Элси Массон]. Edited by Helena Wayne. — London and New York, 1995. — Volume 1.

27. van Dijk T. A. Badania nad dyskursem [Исследования дискурса]. — Dyskurs jako struktura i proces [Дискурс как структура и процесс]. — Warszawa, 2001. — С. 9-44.